ПУТЬ

Леонид Ткаченко

Путь. Записки художника

«Знакъ»

2018

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Ткаченко Л.

Путь. Записки художника / Л. Ткаченко — «Знакъ», 2018

ISBN 978-5-91638-138-2

Книга о творческом пути в искусство известного петербургского живописца Леонида Ткаченко, о его перевоплощении из традиционного художника-соцреалиста в признанного мастера ленинградского авангарда, утвердившего в своём творчестве принципы абстрактного экспрессионизма и давшего им оригинальное теоретическое обоснование. Книга убеждает, что художник прекрасно владеет не только кистью, но и словом. Автор приводит много любопытных подробностей о художественной жизни Ленинграда, занимательно рассказывает о своих работах, просто и непосредственно пишет о миссии художника, о призвании и о радости творческого труда.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91638-138-2

© Ткаченко Л., 2018
© Знакъ, 2018

Содержание

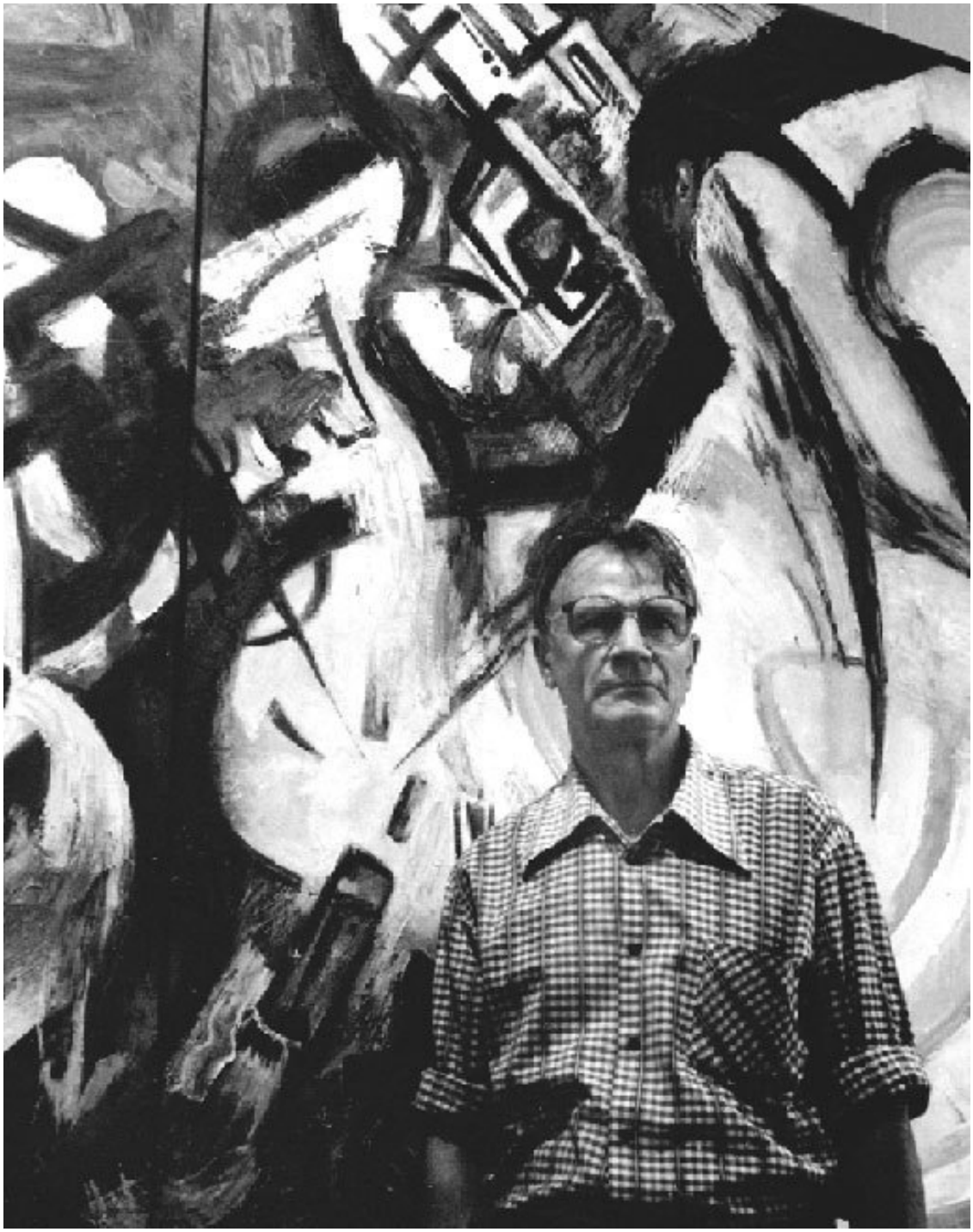
От автора 7
Вступление 9
Глава I. Теневой лик 9
Глава II. Освещенный лик 11
Глава III. Дыхание эволюции 17
Глава IV. Итоги 19
Путь. Противостояния и становления 21
Глава I. Первые шаги в Ленинграде 21
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Леонид Ткаченко
Путь. Записки художника

© Ткаченко Л.А., 2018
© «Знакъ», макет, 2018

* * *

Я хочу свободно творить
Сознательно творить
Александр Скрябин



От автора

Что побудило меня написать эти «Записки»? Причин несколько. Прежде всего, призывы приятелей, хорошо знакомых, которым я рассказывал разные случаи из жизни Ленинградского Союза художников, начиная с 50-х годов. Я знал многих интересных людей, игравших важную роль в его жизни, и, главное, сам был непосредственным свидетелем и активным участником тех противоречивых процессов, в которых ярко проявлялась всё более усиливающаяся потребность художников в свободном творчестве, скованном обязательными для всех догмами соцреализма, усиленно устанавливаемыми и поддерживаемыми руководством творческих союзов художников под наблюдением идеологических отделов ЦК КПСС, обкомов, горкомов и райкомов КПСС.

Мне хочется исторически достоверно показать реальную обстановку, характер мышления людей и облик самого советского общества того времени, поскольку сейчас, еще при жизни живых участников событий, всё подвергается зубоскалами-журналистами, находящимися на содержании у правящих дельцов и политиков наших дней, самому вульгарному извращению. Время показывается не во всей его трагической противоречивости, а в крайне односторонней уплощенной стилизации. Советские люди (по существу, «советский народ») изображаются убогими дебилами, которые получают у этих авторов кличку «совки». Мои мать и отец, мои друзья и я сам жили в то время, и, следовательно, я должен эти «откровения» принять в их и свой адрес тоже. Здесь можно заметить, что готовность безоглядно предавать и продавать отцов и матерей имеет свои генетические корни в прошлом, и современные политики и нанятые ими журналисты по-своему продолжают традиции времён поднятого на пьедестал Павлика Морозова.

В силу того, что темой этих «Записок» является борьба художественной интеллигенции за свободу проявления личности в творчестве, необходимо, прежде всего, понимание ее взглядов и методов борьбы, которое невозможно без ясного представления о том, как отражались процессы, происходящие в стране, в сознании именно этой группы населения, к особенностям которой, в частности, относится стремление к образному осмыслению событий и подверженность романтической увлеченности гуманистическими идеалами. Мировосприятие других групп населения имело свои особенности, но рассмотрение этих особенностей не является моей задачей.

В то же время, будучи автором этих «Записок», я, хотя сам принадлежу к этой группе интеллигенции, не льщу себя надеждой, что воплощаю в себе все существующие в ней взгляды, так как такие сложные понятия как «советский строй», «советский человек», «советский интеллигент» вряд ли будут когда-нибудь сведены к однозначному, приемлемому для всех, толкованию в силу исключительных внутренних контрастов и противоречий. Для беспристрастного исследователя они скорее предстанут в виде многозначной картины, слагаемой из живых воспоминаний непосредственных свидетелей, участвовавших в жизни этого важнейшего периода истории России, нежели сложатся в лаконичную неопровержимую формулу.

Именно одним из таких свидетельств являются эти «Записки», содержащие живые ощущения описываемого времени, осмысливаемые, вместе с тем, – с дистанции четырех десятилетий – с учетом опубликованных, ранее секретных, материалов о деятельности карательных органов того периода, а также опыта событий 1991-1997 годов в России.

Потребность в свободном утверждении своей личности, своих взглядов в искусстве **не могла перерасти в открытую борьбу за их осуществление пока на троне была мифологизированная, «надчеловеческая», деспотическая фигура Сталина,** создавшего всепроникающий репрессивный аппарат, сотрудники которого не могли не обнаруживать регу-

лярно «врагов народа», так как в противном случае были бы обвинены сами в укрывательстве и предательстве с последующим расстрелом после пыток.

Смерть Сталина завершила период массового кровавого террора большевиков, родила вздох облегчения, родила пока еще пусть полупризрачную, но надежду у всех, даже у членов Политбюро ЦК КПСС, так как никто из них до конца жизни не был гарантирован от обвинений Сталина с последующим уничтожением. Садизм Сталина доходил до того, что он держал в тюрьме жен В. Молотова и М. Калинина, своих ближайших «соратников» (а между тем, Молотов считался самым доверенным его лицом). Н. Хрущев вспоминал, какой ужас он испытывал, чувствуя на себе подозрительные взгляды вождя. По-видимому, незатухающая память об этих взглядах дала ему ту решимость, которая была необходима, чтобы арестовать, а после быстрого суда – расстрелять Л. Берию, палача – исполнителя воли Сталина, а в дальнейшем свершить исторический подвиг – на 20 съезде КПСС разоблачить публично и осудить культ личности Сталина и связанные с ним преступления руководства страны, часть которых, что очевидно было для всех, лежала и на нем.

Страшная – и одновременно яркая – судьба России большевистского периода не знает пока серьезного беспристрастного объяснения.

Всё чаще цитируют поэта Тютчева: «умом Россию не понять, аршином общим не измерить… в Россию можно только верить», – и успокаиваются, поскольку всё равно «умом не понять». Одни при этом закрывают глаза на всё страшное, другие не хотят знать ничего положительного.

Я могу лишь ужасаться и сострадать моему народу, которому выпала такая злая доля. Я хочу самому себе объяснить одновременное присутствие в облике этой страны несовместимых реальностей.

Вступление

Глава I. Теневой лик

Я вижу 20 000 000 расстрелянных и загубленных в сталинских лагерях для «врагов народа», сплошная колонна которых, покачиваясь на ветру, протянулась от Ленинграда до Владивостока – через всю территорию Советского Союза. В беззвучной пепельной тишине вопрошающе и требовательно смотрит она на нас пустыми глазницами в самые глубины нашего существа, оставляя в бездне его невидимые нам следы, неустранимые из народной памяти. Все эти люди, не имеющие никакой вины, были близкими кого-то из нас. Под звуки моторов ночных воронков их вырвали из трясущихся рук матерей, из еще теплых объятий любимых и под испуганными взглядами детей увезли на пытки с последующим выстрелом в затылок или на участь рабочего скота на «Великие Стройки Коммунизма», где их ждала смерть от голода, болезней и издевательств надсмотрщиков.

Советский строй был с двумя ликами, и теневой лик, посыпанный пеплом и залитый кровью, тщательно скрывался. Никто, даже прямые исполнители палаческих функций, не знали полного масштаба репрессий. Только никогда не насыщаемый смертями, никому не доверяющий, захвативший единоличную власть и вечно боящийся ее потерять, Сталин, да несколько руководителей ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ могли знать общие цифры осужденных, но и эти руководители последовательно уничтожались вождем как слишком информированные соучастники преступлений.

Сохранению тайны репрессий способствовали как молчание родственников арестованных – из страха ухудшить их дальнейшую участь и быть арестованными самим – так и факт вовлечения в карательные действия (в прямой или косвенной форме) огромного количества людей, в первую очередь секретарей партийных организаций всех уровней (прежде всего, районного, городского и республиканского масштабов), которые по положению должны были ставить свои подписи согласия под списками людей, подлежащих аресту. Фактически прямыми соучастниками были также люди, ставшие осведомителями и доносчиками из карьерных побуждений или по слабости характера, давшие себя запугать и начавшие сотрудничать с ВЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Если учесть, что доносчики были в каждом из советских учреждений, то можно представить, что их численность измерялась миллионами.

Для введения в заблуждение советской и мировой общественности проводились в 30-х годах открытые показательные судебные процессы над «изменниками Родины», как правило, высокопоставленными лицами, в которых Сталин видел прямую угрозу своей безраздельной власти. Процессы внешне велись с соблюдением необходимых юридических правил, подсудимые полностью признавали свою вину (на самом деле вымышленную, установленную на основе «признаний», полученных под пытками) и производили убедительное впечатление, примером чего может служить мнение Л. Фейхтвангера о полной законности этих судов.

В то же время 99,99 % приговоров выносилось тайно без судопроизводства на закрытых заседаниях «троек» без присутствия адвокатов подсудимых и права на обжалование, с исполнением смертных приговоров немедленно.

В основе этой практики находились сформулированные Лениным установки о праве большевиков на любой произвол, если это полезно для революции.

После захвата власти в России большевиками во главе с Лениным и отсутствия немедленных подобных революций в европейских странах, в неизбежности которых они были уверены и на поддержку которыми революции в России рассчитывали, стал во весь рост вопрос удержания власти любой ценой.

В соответствии с данным Лениным определением диктатуры пролетариата как «неограниченной законом, основанной на насилии власти пролетариата над буржуазией» он, со свойственной ему неутомимой энергией и маниакальной одержимостью насилием, развернул, опираясь на вооруженные отряды рабочих, руководимых комиссарами, «неограниченный законом» террор, создав ВЧК-ГПУ во главе с Дзержинским. **Античеловеческая тотальная жестокость в государственном масштабе, творимая после смерти Ленина, первого в мире ее идеолога и организатора, его верным учеником и последователем Сталиным, была неизбежным следствием захвата власти в огромной стране маленькой кучкой вернувшихся из эмиграции, кипящих ненавистью политических деятелей, не желавших ни с кем разделить свою власть.**

По существу, началось целенаправленное уничтожение населения, прежде всего культурной и дворянской элиты дореволюционной России – нередко со всеми родственниками, а также всех представителей в прошлом состоятельных кругов, начиная от фабрикантов и кончая среднего уровня состоятельности крестьянами.

Смысл этих действий был вполне определенно сформулирован в словах «любимца партии» (по выражению Ленина) Н. Бухарина: «Мы будем выпускать интеллигенцию такую, какая **нам нужна – так, как выпускают на заводе гайки». Задача была ясна: уничтожить как можно больше людей – представителей прошлой культуры и традиций, использовав предварительно большую часть из них в качестве бесплатной рабочей силы в лагерях, и целенаправленно воспитать «от нуля» новые поколения людей, готовых служить новой власти и быть для нее опорой.**

В свете этой программы по созданию совершенно нового типа людей понятно то яростное неприятие научной теории генетики, которое проявило партийное руководство страны во главе со Сталиным. Основоположник русской генетики академик Вавилов был заточен в тюрьму, и после избиений на допросах – погиб.

Понятно, что эта характеристика большевистского террора, осмысление его глобальных целей и масштабов могли возникнуть в моем сознании в такой форме только после опубликования ранее секретных партийных материалов, которое произошло за период с XX съезда КПСС до наших дней. Однако, еще в сталинские времена, когда о репрессиях населению были известны лишь отдельные разрозненные факты, и разум не мог себе представить, что партийное руководство страны ведет организованное, сознательное глобальное уничтожение части людей, имело место в быту мнение, что «посадить могут кого угодно»; **поэтому не только борьба, но сколько-нибудь свободное выражение вслух своего осуждения «политики партии» было совершенно невозможно.**

Глава II. Освещенный лик

Народ не является политической категорией, его жизнь, длящаяся тысячелетия, имеет свои глубинные корни. Сменяются формы политической власти, приходят и уходят правители, а «душа» народа продолжает свою таинственную жизнь, не поддающуюся полностью попыткам ее определения в категориях рассудочного мышления. Она полна стремлением к фундаментальным нравственным ценностям, которые являются основополагающими для этого народа. **Она стремится к осуществлению абсолютного идеала этих ценностей, который наполняет духовным смыслом жизнь народа, хотя не может быть полностью воплощен в повседневной практике.** В истории жизни народа в его среде могут происходить события, полностью противоречащие этому Идеалу, но, странным образом, не разрушающие его ценности и значения, – подобно тому как для верующего любые недостойные поступки конкретного священника не подрывают веры в чистоту и непогрешимость Священного Писания. **Наличие Идеала является тем стержнем, той опорой, вокруг которой существует народ. Потеря духовного стержня равносильна исчезновению народа, превращению его в разрозненные группки потерявшихся в мире одиночек.**

Ни одна власть поэтому не может долго держаться на одном терроре и страхе, как бы совершенно они не были организованы. **Нужна позитивная яркая идея, в которую поверил бы народ, которая была бы ему близка, которая объединила бы его во имя высокой цели.** Как правило, такая идея включает в себя элементы мифа, утопии, мечты. Она обычно неосуществима полностью в реальной повседневной жизни, но это не является препятствием для ее принятия, ибо эта Идея ведет беседу с глубинами «души» народа, и аналитический аппарат разума оказывается как бы в стороне, сфера его активных проявлений лежит совсем в другой плоскости.

Обычно в истории роль такой Идеи выполняли религиозная и национальная идеи, действующие, как правило, совместно, дополняя и усиливая друг друга.

Роль такой объединяющей народ Идеи выполняла в годы советской власти идея построения бесклассового социалистического – коммунистического общества, которая, по существу, была преемницей христианских заповедей о неправедности обогащения одних людей за счет других, об обязанности богатого раздать свое имущество бедным, о равенстве всех людей, так как все они созданы «по образу и подобию Божию». То, что большевики отвергали существование самого Бога, словом которого и были эти заповеди, – не имело значения, так как **мифологическое сознание живет образами, а не доказательствами.** Любопытный парадокс истории оказался в том, что большевики, воинствующие противники религии, разрушители церквей и убийцы священников, объявившие о создании принципиально нового общества, по существу, на самом деле сделали попытку построения «Царства Божия» на земле – «общества равенства и братства», и тем самым, оказались в русле вполне традиционных народных мечтаний.

Тот факт, что православие имело глубокое влияние на формирование сознания русского народа, общеизвестен. Мысль о несправедливости, безнравственности социального неравенства пронизала русскую литературу XIX века. На ней воспитались многие поколения русских людей.

Христианское бескорыстие, самоотречение стали высшими нравственными ценностями русского человека. Сострадание к обездоленным и угнетенным близко его сердцу. Энергичный удачливый предприниматель, заводчик, миллионер-делец никогда не были героями русского сознания и русской литературы. Мечта об обществе социального равенства, обществе «справедливости» для всех много веков жила в сокровенных глубинах души русского народа.

Все это, как мне представляется, и обеспечило, в первую очередь, поддержку основной массой русского народа большевистской революции, произошедшей под лозунгами: «долой войну», «фабрики – рабочим», «землю – крестьянам», в которых идея социальной «справедливости» была налицо.

Народ не вникал, да и не мог вникнуть, в то, что эти лозунги были лишь прагматическим расчетом циничных, жестоких людей, которые умело использовали доверчивость этого народа-мечтателя, чтобы захватить власть и учредить свое господство над огромной страной.

Только рабочий класс и беднейшее (нищее) крестьянство были объявлены самой ценной частью человечества. Вся частная собственность насильственно национализировалась, т. е. отбиралась у владельцев с помощью карательных отрядов, составленных из рабочих. Если в царской России беднейшее крестьянство составляло только часть всего крестьянства, то теперь оно, к концу 20-х годов, стало беднейшим поголовно: земля была отобрана, весь имеющийся у крестьян скот и запасы зерна – реквизированы. В связи с началом промышленного строительства, вызванного необходимостью (в целях полной независимости от капиталистических стран) производить все товары, станки, вооружение и т. п. самим, резко увеличилась потребность в рабочих. Это привело к притоку в город нищих крестьян, за счет которых возросла численность **рабочего класса – единственной группы населения, ничего не потерявшей в революции и потому бывшей единственной надежной опорой большевиков.** Набор в члены партии, в карательные органы (ВЧК-ГПУ), управленческий аппарат, на учебу в рабфаки и институты осуществлялся, прежде всего, из рабочих. Из них же формировался и основной состав «советской интеллигенции», которая, хотя признавалась вторым сортом по сравнению с рабочими (!), не считалась все же антисоветской, хотя и вызывала всегда к себе подозрительное отношение партийных органов, так как в результате научного и гуманитарного образования в вузах в сознание ее проникали нежелательные для властей мысли, **разрушая идеальную чистоту замысла о поточном производстве однотипно отштампованных мозгов.**

Большевики, большие мастера демагогии, сумели, сосредоточив в своих руках все средства массовой пропаганды, систематически – минута за минутой, час за часом, день за днем, год за годом – творить целенаправленно миф о непорочности советского строя. Начиная с формирования сознания октябрят, пионеров, комсомольцев и членов партии ВКП(б)-КПСС, внедрялась идея преданности строю, партии, социалистической Родине, лично т. Сталину.

Всё молодое поколение, таким образом, от рождения пребывало под воздействием этого мифа. Принимая во внимание одновременное планомерное, тайное уничтожение значительной нежелательной части населения страны, о чем говорилось в предшествующей главе, партийное руководство небезуспешно, при вышеуказанной кадровой политике, формировало сознание, в первую очередь городского населения, в нужном для себя направлении.

Было бы искажением истины сводить всё только к умелой демагогии. Имели место несомненные значительные успехи в улучшении условий жизни в городе, строительстве промышленности и армии, достижения в области науки и культуры.

Шло активное формирование освещенного светом лика двуликого советского строя, лика, которым и жило сознание большинства населения преимущественно. Страшный теневой лик, скрытый, известно-неизвестный, коснувшийся непосредственно, лично кого-то другого, оттеснялся сознанием куда-то в сторону, в подсознание. **Он нес в себе угрозу, тяготил, о нем не хотелось помнить.**

«Да, пока еще нет полной победы социализма, но она будет: посмотрите, как день ото дня растет производство стали, угля, автомашин, самолетов! Нигде в мире нет таких темпов роста! А почему? – потому, что народ своим самоотверженным трудом – под руководством Партии – творит чудеса, создает единственное в мире бесправия народное государство. Если он еще не имеет всего, то только потому, что должен преодолеть отсталость экономики,

доставшуюся ему от царской России. Он вынужден вооружаться, чтобы суметь защитить себя, дать отпор всем тем капиталистическим государствам, которые ненавидят лютой ненавистью первую страну социализма и стремятся любыми путями уничтожить ее. Каждый новый самолет, каждый новый танк укрепляют нашу страну, которая первая открыла путь к освобождению от ига мирового капитала! Мировая пролетарская Революция неизбежна, наша страна первая подняла знамя борьбы за справедливое общество, в основе которого равенство всех народов и всех людей!»

Такие слова обладали большой силой внушения для большинства населения, в особенности для многочисленного слоя выдвиженцев снизу, в составе которых преобладали молодые люди.

И это были не только слова. Угрозы со стороны буржуазного окружения не казались вымышленными. Ненависть руководителей капиталистических стран была неизбежной реакцией на ту подрывную работу, которую постоянно вело партийное руководство страны за свержение капиталистического строя во всем мире через коммунистические партии зарубежных стран, финансируемые из Москвы.

В то же время **были установлены очень низкие государственные цены на основные продукты питания, лекарства, транспорт, оплату квартир.** Недостаточный ассортимент продуктов и промтоваров, перебои с ними в этих условиях легко находили объяснение, тем более, что производство их постепенно возрастало. **Было установлено обязательное среднее образование, ликвидирована неграмотность, которая до революции охватывала большинство населения. Было установлено бесплатное высшее образование, и студенты большинства вузов освобождались от призыва в армию даже во время войны. Медицинское обслуживание было полностью бесплатным.**

Страна без посторонней помощи успешно восстанавливала разрушенные страшной войной промышленность и сельское хозяйство. **Все мы гордились одержанной в войне победой над очень сильным и жестоким врагом, армией и ее полководцами, всеми героями этой Победы, которая спасла не только нас, но и всю Европу от господства немецкого фашизма.** В ответ на применение США атомной бомбы против Японии была произведена своя бомба «для обуздания потенциального агрессора». Теперь достоверно известно, что в США были разработаны планы применения атомной бомбы против СССР.

Начало развертываться крупномасштабное строительство типовых квартир для обеспечения семей отдельными квартирами. **Полностью отсутствовала безработица, не было неуверенности в завтрашнем дне – наоборот, все верили в будущее, в постепенное улучшение жизни. Советский Союз после победы над гитлеровской Германией стал Великой державой.**

Однако по-прежнему, несмотря на большие и несомненные достижения, сознание не могло полностью освободиться от живущего внутри его цензора, настороженно следящего за свободой собственных поступков. **До самой смерти Сталина, нуждающегося в постоянной крови и гибели людей, как форме подтверждения незыблемости его власти, работал аппарат террора.** Передавались друг другу слухи, что все, вернувшиеся из фашистского плена и фашистских лагерей, направлялись в наши лагеря, хотя все знали, что страна, вопреки хвастовству властей, оказалась неподготовленной к войне, что поэтому в первые дни войны в плен попадали целые армии из-за низкого уровня вооружений и внезапности нападения фашистов, хотя сама внезапность явилась результатом самоуверенности Сталина, имеющего задолго сведения о готовящемся нападении. И после Победы все по-прежнему знали, что «у нас посадить могут каждого», «был бы человек, **а статья найдется».**

Исключительная выносливость и способность терпеть страдания, исключительное напряжение всех сил народа не только на фронте, но и в тылу, суровый климат и необъятность территории, в конечном счете, спасли страну. Атмосфера кро-

вавого террора на протяжении с 1917 до 1953 г. – года смерти Сталина – стала как бы постоянным спутником жизни, как морозы в северных странах. К террору привыкли как к чему-то неизбежному, надеялись, что когда-то такое время закончится, и радовались, когда удачи были в личной жизни, **сохраняя удивительную способность веры в лучшее будущее.**

Мышление огромными планетарными масштабами, освоение целинных земель Казахстана, строительство самых больших в мире гидростанций на Енисее, и, наконец, **триумф Гагарина – первый в мире выход человека в космос, когда-то предсказанный мечтателем Циолковским, – всё это было реальными фактами, которые формировали у людей сознание приобщенности их жизни к великому процессу строительства лучшего будущего для всего человечества.** Слова песни:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор!

наполняли романтической уверенностью, поднимали духовные силы людей. Жизнь озарялась ярким солнечным светом, сиянием осуществляемой мечты. Не приходило даже в голову, что среди нас могли быть люди, которым нужно только личное накопление денег на валютном счету, «красивая жизнь» с супермоделями, валютными проститутками и личными «Мерседесами». Такое скудоумие трудно было даже вообразить. Наверное, были и такие бескрылые животные, и я рад, что мне не приходилось с ними общаться.

Миф, наполняющий сознание чувством гордости и самоутверждения, необходим обществу и, прежде всего, каждому в отдельности человеку, и все, по существу, сознательно или бессознательно, участвовали в творении этого мифа и испытывали его воздействие даже в тех случаях, когда подвергали его анализу и критике, ибо **потребность в жизнетворящем мифе сильнее и глубже, чем сила доводов рассудка, особенно в стране, где индивидуализм не успел (а, быть может, и впредь не успеет) пустить глубокие корни, и слово «мы» не является пустым звуком.**

Унесение душой в бескрайние просторы мечты всегда было свойственно ментальности русских людей, включающей в себя стихийные черты характера и равнодушие к тщательной организованной дисциплинированной работе.

Эта приверженность мифу совсем не означала глупости и слепоты людей в отношении недостатков текущей жизни, что ярко проявилось после смерти тирана, когда наступило первое смягчение партийного режима. Наличие недостатков, головотяпства верховных и местных руководителей, ядовито высмеиваемые в бесконечных анекдотах и в бытовых разговорах, не разрушало в то же время гордой красоты мифа, а лишь указывало причины, по которым миф пока полностью не претворяется в повседневную жизнь.

Миф по-прежнему питал высшие сферы сознания, а разум изощрялся в остроумии по поводу тупости, лживости, пьянства и невежественности. Взрывы хохота сопровождали очередной анекдот, в котором недостатки, свойственные и самим слушателям, доводились до абсурда и подавались в самом неожиданном развороте. **Смеялись над властями и над самими собой.**

Любили ходить друг к другу в гости, где на столе гостеприимных хозяев красовались маринованные и солёные грибки своего сбора и приготовления, разделанная селёдка с любимой разварной картошкой, пироги и бутылка «Столичной» или «Особой московской с белой головкой». Слушали любимый голос соловья русской души Лидии Руслановой (не миновавшей

клетки Вождя). Пели старинные русские песни, а также фронтовые и современные, о преданности в любви, и веселились, слушая новые откровения «армянского радио».

В театрах с классическим зарубежным и русским репертуаром и великолепными артистами было всегда полно народу. В прославленных на весь мир классических балетах выступали великие Галина Уланова, Наталья Дудинская, Майя Плисецкая. Билеты были очень дешевые, и не всегда можно было их достать. В Ленинградской филармонии великолепным оркестром дирижировал Евгений Мравинский, солировали Святослав Рихтер, Эмиль Гилельс, Давид Ойстрах, а в Малом зале блистал Владимир Софроницкий, непревзойденный мастер исполнения фортепьянных произведений Скрябина. Писали первоклассную музыку Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, ставший даже секретарем Союза композиторов СССР (в связи с чем вступивший в члены КПСС, что было неизбежно в таком случае).

Страна имела самое большое в мире количество людей с высшим образованием, и много читала, будучи страной всеобщей грамотности. Классическая литература от Эсхила и Софокла до Шекспира, Данте, Байрона, Бальзака и, конечно, русская от Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова, Куприна до Горького была в библиотеках и издавалась для продажи, хотя в недостаточно больших тиражах. Желающие имели возможность углубиться в изучение античной философии, трудов Канта, Гегеля, Фейербаха.

Эрмитаж и Русский музей были всегда полны посетителей, и картины великих мастеров искусства приобщали их к вечным проблемам и истинам, идеям Добра и Красоты, которыми жило человечество на протяжении тысячелетий.

Сектантский взгляд на мир теоретиков марксизма-ленинизма, основанный на отрицании наличия общечеловеческих нравственных ценностей и опирающийся на вульгарный социологизм, неизбежно обнаруживал свою несостоятельность. Это понимали уже все образованные люди, хотя не всегда и не везде решались говорить об этом вслух.

Развитое сознание людей 50-60-х годов, которое подвергалось в течение десятилетий массированной обработке огромной машиной партийного аппарата по идеологическому воспитанию советских людей, **вскормилось, тем не менее, прежде всего, освоением гуманитарного искусства, литературы и философии прошлых веков, несущих в себе фундаментальные общечеловеческие ценности.** Мечта «любимца партии» Н. Бухарина выпускать в свет советских интеллигентов подобно «гайкам на заводе», основанная на самоуверенности, невежестве и экстремизме, обнаружила свою несостоятельность, хотя целеустремленные попытки внедрения ее в практику дали-таки свои побочные результаты: путем физического истребления части дореволюционной интеллигенции и высылки за рубеж другой, заключения в лагеря третьей, удалось создать определенный слой угодничающих ее представителей, всегда – и по сей день – поддакивающих власти, публикующих верноподданнические статьи и коллективные письма преданности. Но всё же, **эта стайка процветающих карьеристов, среди которых были в прошлом – и есть сейчас – талантливые люди, не определяла собой всю массу культурного слоя общества, хотя плавала на его поверхности.** То, что плавает на поверхности, не обязательно является ценностью – это известно давно.

Ничто не может остановить порыв к свободе. Он постепенно назревает и пробивается наружу подобно тому, как тонкая, на вид слабая и беспомощная, травинка приподнимает толщу асфальта и прорывается навстречу лучам солнца.

Общество, давно переросшее обязательные для всех «истины» марксизма-ленинизма, жаждало всей полноты знаний о богатствах русской и зарубежной культуры, спрятанных за завесой партийных постановлений.

С приходом Хрущева были разрешены к печати произведения Ф. Достоевского, стихи Сергея Есенина (я помню, как мы в институте в 40-х годах переписывали их друг у друга), Александра Блока, Анны Ахматовой, проза Михаила Зощенко.

Однако, сохранял еще силу установленный в сталинские времена запрет на творчество большого количества деятелей культуры. По-прежнему не публиковался великий труд Шопенгауэра «Мир как воля и представление», не печаталась очень важная для понимания развития культуры книга О. Шпенглера «Закат Европы».

Советское общество было лишено возможности знать глубокие мысли русского религиозного философа Николая Бердяева, касающиеся природы русской ментальности, судеб России, ее интеллигенции, природы творчества и его назначения. В числе других русских мыслителей он был выслан за рубеж еще основоположником большевистского террора В. Лениным. Не публиковались произведения отца Павла Флоренского, погубленного в лагерях. Мы не знали ничего о великом поэте России Марине Цветаевой, повесившейся от безысходности и похороненной в безвестной могиле в Елабуге в 1941 году. Не издавалась поэзия Николая Гумилева, расстрелянного по ложным обвинениям. Были запрещены к печати стихи погибших в сталинских лагерях Николая Клюева и Осипа Мандельштама.

До сих пор тайной покрыты смерти С. Есенина и В. Маяковского, отказавшегося вступить в партию, несмотря на «100 томов партийный книжек», окруженного надзором агентов НКВД Лили и Оси Бриков. То же самое можно сказать об обстановке вокруг М. Горького и его смерти.

Под полным запретом находилось творчество трагического гения русского авангарда Павла Филонова, умершего в ленинградскую блокаду. Еще в 30-х годах значительная часть его картин была спасена от уничтожения Яковом Пантелеймоновичем Пастернаком, бывшим в то время заведующим отделом советской живописи в Государственном Русском музее, и спрятана сотрудниками музея на свой страх и риск. Имена и творчество всех деятелей русского и зарубежного авангарда, в том числе К. Малевича, В. Кандинского, М. Шагала были также под запретом, а ученица Малевича В. Ермолаева была в числе других лагерников утоплена вместе с баржей посреди Аральского моря. Такая же участь постигла творчество искусствоведа Н. Пунина, погибшего в заключении. Список можно продолжать и продолжать.

В сороковых – начале 50-х годов из музейных экспозиций с обвинением в «формализме» и «буржуазном эстетстве» были изъяты картины великих русских художников М. Врубеля, В. Серова, К. Коровина, а также П. Кончаловского, А. Лентулова, Павла Кузнецова, М. Ларионова, Н. Гончаровой и др. Аналогичной была деятельность партийной цензуры и в залах Государственного Эрмитажа: все произведения западноевропейской живописи, начиная с импрессионистов, постигла та же участь.

Ах, как было бы хорошо и легко любить свою Родину, если бы у нее было не двуликое, а только светлое лицо, на обратной стороне которого не было бы пепла и крови миллионов невинных… и списков запретов! Как было бы хорошо!.. Как было бы просто!..

Но Родину не выбирают.

Глава III. Дыхание эволюции

Сделав решительный шаг в разоблачении и осуждении произвола режима Сталина, создав комиссию по репрессиям и незамедлительно освободив только из казахстанских лагерей около двух миллионов невинно осужденных, открыв тем самым новую эру в развитии страны – эру постепенного процесса гуманизации советского строя, **Хрущев сам (как и все партийное руководство сверху донизу) должен был пройти эволюционный путь изменения своего сознания, сформировавшегося в нормах партийной системы периода Сталина.**

До сегодняшнего дня (!) даже рядовые члены партии, сохранившие верность идеям марксизма-ленинизма и «лично товарищу Сталину», с яростной ненавистью говорят о Хрущеве, разрушившем миф о ее непорочности.

Небывалое воодушевление в обществе вызвала публикация (с разрешения лично Хрущева) повести «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына – явление, совершенно немыслимое прежде.

Наступил исключительно интересный период общественной жизни страны. Эволюция вступила в свои права.

Стала обретать смелость творческая интеллигенция, особенно остро чувствующая потребность в свободе: творчество есть творение нового! **В то же время, пусть медленно, начала претерпевать изменения психология высшей партноменклатуры. Декларируемая официально преданность идеологическим постулатам на деле всё больше разъедалась прагматическими взглядами, заменялась задачами по удовлетворению карьеристических амбиций и личных меркантильных интересов.** Замешанные в мелких и крупных грешках своих собратьев по руководству, они не были заинтересованы в строгих наказаниях за свои провинности. Это разрушало самодисциплину, разлагало, и они меньше всего хотели присутствия в обществе строгого неподкупного Стража Закона и чистоты Идеологии. **По существу, они жаждали теперь свободы действий в интересах личного обогащения, с каждым последующим десятилетием постепенно приближаясь к этой цели.**

Известны упреки потомков в адрес Хрущева в том, что он в своих действиях был непоследователен, слишком неумело и медленно реформировал общество. На самом деле события, по меркам эволюционного процесса, развивались быстро, а **противоречия были исторически и психологически неизбежны. Всякие слишком быстрые изменения в государственном устройстве могут приводить лишь к катастрофам.**

Еще от случая к случаю звучали грозные окрики: привыкшие властвовать не хотели это право потерять. Несмотря на это, творческая интеллигенция проявляла всё большую строптивость. Появляются пророческие слова в стихотворении Е. Евтушенко «Наследники Сталина»:

«Мы вынесли из мавзолея его,
Но как из наследников Сталина
Сталина вынести?»,

в **которых в виде вопроса определена главная проблема последующих десятилетий.**

Всё увеличивающаяся активность творческой интеллигенции ставила руководство страны, привыкшее к беспрекословному подчинению населения, перед проблемой ее обуздания. Имея по-прежнему в своих руках могущественный аппарат КГБ, который без всяких усилий мог превратить в «лагерную пыль» любое количество недовольных, **члены партийного руководства СССР уже не могли решиться на методы массовых репрес-**

сий, опасаясь, что возврат к сталинской форме диктатуры таит непредсказуемые угрозы для жизни их самих: опыт по этой части у них был большой.

Так возникла та своеобразная ситуация, при которой стало возможным развитие всё нарастающего процесса обновления культуры и гуманизации общества в обстановке напряженного противоборства интеллигенции и партийного аппарата, который, что совершенно естественно, не мог полностью сразу изменить свои привычки. Партийная номенклатура воспитывалась десятилетиями по нормам ленинско-сталинской идеологии. **Жестокость, отсутствие способности к состраданию, полное презрение к личности отдельного человека (и каким-либо ее правам) были для нее неизбежным следствием привычного использования человека в качестве строительного материала для построения здания государства и укрепления своего господства.**

Рецидивы отдельных репрессий были еще неизбежны, и аресты «инакомыслящих», расстрел новочеркасских рабочих (еще во времена Хрущева), помещение под домашний арест академика А. Сахарова и высылка за границу великого борца за свободу, впервые вскрывшего идеологические основы и структуру организации ленинско-сталинского террора, – А. Солженицына (уже после отстранения от власти Н. Хрущева), говорили об этом.

Партийная номенклатура была еще очень сильна и агрессивна в отстаивании своих интересов. Она применяла новые формы репрессий, в частности, помещение борцов за права человека в тюремные психиатрические больницы. **Недооценивать мужества интеллигенции, бросившей ей вызов, никак нельзя!**

Глава IV. Итоги

Став впервые в мире на путь претворения в жизнь Утопии о стране социальной справедливости, равенства и братства, Россия оказала влияние на развитие всего человечества, ибо, по существу, оказалась для него своеобразным испытательным полигоном, на котором проверялась жизненность этой Идеи.

Роль этого влияния можно оценивать как позитивно, так и негативно, потому что чудовищные репрессии против своего населения, которые осуществляли партийные руководители страны, получившей название «Советский Союз», дискредитировали идею и подорвали к ней доверие. То, что получилось в результате, не имело никакого отношения к понятиям справедливости, равенства и братства, несовместимых с практикой существования разветвленной системы лагерей принудительного рабского труда и массовых расстрелов.

Были и будут еще написаны тысячи исследований причины, почему именно в России оказался возможным этот эксперимент, принявший такие чудовищные формы, мог ли он быть другим: слишком много исторических причин и обстоятельств, вплоть до психологических особенностей главных его руководителей, характеризующихся патологической, маниакальной одержимостью насилием, влияли на конечный результат.

В историческом процессе ни одно звено в цепи событий не исчезло бесследно, так как последующее звено сцеплено с предыдущим.

Никогда впредь попытки строить государство справедливости методами диктатуры и концлагерей не должны иметь места.

Никогда память русского народа не забудет то массовое, планомерное, продуманное истребление сынов и дочерей ее народа, которое осуществляла партия большевиков под руководством Ленина и Сталина, породив общество с раздвоенным сознанием, общество, в котором двуличие и угодничество стали неизбежной формой выживания.

Никогда сознание русского народа **не забудет и того романтического бескорыстного взлета мечты во имя осуществления общечеловеческого счастья, который наполнял жизнь высоким смыслом, ибо душа русского человека не может не стремиться к бескрайним горизонтам, легко отрываясь от реальной действительности, бессознательно находя в этом постоянное обновление и спасение.** Это свойство русского народа помогло ему духовно выжить в дни монгольского нашествия и тирании тоталитарного сталинского общества и поможет **ему** пронести в будущее преданность светлой мечте.

Никогда не будет забыто то чувство причастности к великим свершениям истории, которое наполняло гордостью за свой народ и свою Родину.

Никогда не будет забыто то чувство уверенности в завтрашнем дне, которое основывалось на уже осуществленных благах: отсутствии безработицы, бесплатной медицине, дешевых продуктах (пусть в скромном ассортименте), квартир и транспорта, а также бесплатном среднем и высшем образовании, общедоступности театров, филармоний, музеев.

Думается, и дальше в этом народе человек будет цениться не за количество денег в банке, а за щедрость души и способность к состраданию к обиженным судьбой людям.

Россия под именем «Советский Союз» повлияла на ход мирового исторического развития, вынудив руководство капиталистических стран пойти на большие социальные уступки своему населению, чтобы не допустить взрыва по примеру России.

Советский Союз, все входящие в его состав народы, сыграли решающую роль в победе над гитлеровской Германией и спасли тем самым страны Европы от фашистского господства.

Я не знал ни одного человека, с которым мне приходилось встречаться непосредственно после смерти Сталина, который мечтал бы о восстановлении монархии или капитализма. Все считали как монархию, так и капитализм прошедшими этапами исторического развития, канувшими в вечность.

Мне казалось тогда, что постепенное взаимное проникновение и обогащение социализма и капитализма, этих двух крайностей, будет составлять содержание дальнейшего развития общества на планете, уменьшая возможность ядерной войны и открывая путь к непрерывному развитию.

История не может «забыть», что социализм «правильно» или «неправильно» уже строился с 1917 по 1990 год в России (и других странах социалистического лагеря) и внес новые черты в исторический процесс. **Простой возврат к капитализму был бы для России путем вспять, возвратом истории назад, потерей перспективы на будущее.**

Однако, **суть истории – движение из прошлого в будущее, и заменить историю антиисторией нельзя.**

Сталинский террор с массовыми расстрелами прекратился, и мы верили в будущее социалистического общества, в его способность к гуманизации и совершенствованию, в возможность избавления его от извращений, связанных с произволом партийной диктатуры. Мы верили в «социализм с человеческим лицом», да и не только мы: сама эта формула пришла из Чехословакии и Польши, где после 20 съезда КПСС возникли подобные надежды.

Наша борьба в Ленинградском Союзе художников за свободу творчества была частью той борьбы, которую начала советская интеллигенция за очеловечивание советского строя.

Наступило время «хождения по лезвию ножа». Оно требовало мастерства канатоходца, когда один ошибочный шаг грозит гибелью, а погибать нельзя. Нельзя погубить процесс обновления. Нельзя заниматься глупой бравадой. Людей, которые воспользовались бы любой ошибкой, было более чем достаточно не только в аппарате власти, но и в среде самих художников, часть которых была вполне удовлетворена существующими нормами и ограничениями в искусстве. Она с ними срослась, в подрыве их видела угрозу для себя. **Обстановка созрела.**

Требовался первый решительный поступок. Взрыв произошел, как это нередко бывает, неожиданно, неумышленно, стихийно.

Путь. Противостояния и становления

Глава I. Первые шаги в Ленинграде

Я приехал в Ленинград осенью 1950 года после окончания Харьковского художественного института для поступления в аспирантуру Института им. Репина. Я получил диплом с отличием, и руководство института уговаривало меня остаться в Харькове, где гарантировало мне место преподавателя. Однако преподавательская деятельность меня не привлекала. Я хотел совершенствоваться в занятии искусством, и, как мне тогда казалось, аспирантура в Ленинградском художественном институте могла этому способствовать.

Я остановился жить у моих двоюродных сестер – Дины Ивановны и Ларисы Ивановны Панькиных, добрейших людей, живущих скромно, но гостеприимно, и, при первой возможности, любящих повеселиться.

Однако, в аспирантуру мне не суждено было попасть – к моему огорчению вначале и великой радости в дальнейшем. Институт им. Репина при Академии художеств (в прошлом просто «Академия художеств») был наиболее устойчивым хранителем строгих академических традиций реалистического искусства из всех художественных вузов Советского Союза. И это неудивительно: ведь именно из стен этого величественного здания, увенчанного античными статуями, смотрящими в сторону молчаливых сфинксов, глядящих в пространство Вечности под плеск отливающих свинцом волн широкой Невы, над которой с противоположной ее стороны вознесся ввысь величественный Всадник на бронзовом коне с пророчески протянутой рукой, вышли такие великие русские художники, как А. Иванов, К. Брюллов, В. Суриков, В. Серов, М. Врубель.

Кажется, сама Судьба сделала этот Дом с его узкими коридорами, тяжелыми каменными плитами под ногами и высокими полутемными сводами над головой, Рафаэлевским и Тициановским залами, символизирующими эталоны Высокого искусства, – хранителем неумирающих традиций. Даже подвижные фигурки студентов и студенток в современных одеждах, мелькающие внизу под прохладной высотой его сводов, не в силах нарушить каменное величие исторического Дома.

Не попав в число «избранных» – преподавателей, аспирантов и студентов, ежедневно ступающих по каменному полу Храма традиций, я избежал гипнотического воздействия его стен, которое охлаждает порывы чувства и замедляет движение крови в сосудах. Только отдельным единицам, проучившимся в нем, удалось освободиться от его сковывающего влияния и обрести свободу.

Воистину, я должен благодарить мою Судьбу, мою Звезду (на которые я нередко ропщу из-за строптивого моего характера) за то, что они всё устроили к моей пользе, окунули в окружающую неустроенную художественную жизнь – без стипендии и руководителей, оставили мне открытое пространство для творчества, предоставили меня самому себе!

Еще не понимая всего этого, думая, что мне предстоит расставание с замечательным городом, ставшим для меня «любовью с первого взгляда» уже при первом посещении его в период учебы в Харькове на пятом курсе института, я бродил по набережным рек и каналов, пронизанный возносящимися ритмами его колоннад, удвоенных отражением в водах, среди устремленных в небо сверкающих шпилей, вдоль гранитных блоков набережных, вдоль простора медленно текущих вод Невы. И тогда и сейчас, я не могу понять непостижимой слепоты почти всех русских поэтов и писателей, лишенных способности воспринимать красоту форм и музыку ритмов как высшую самодовлеющую ценность. Только один Пушкин, в самом деле, единственный аполлонический поэт России, воспел красоту Петурбурга. Даже Александр

Блок, утонченный эстет, владеющий колдовской музыкой стиха, внимающий звукам «Мирового Оркестра», живя в Петербурге, бродил зачем-то по грязным вонючим его окраинам, обходя центр города, видя в великолепных дворцах только казенные здания, в странной незрячести своей не замечая совершенства гармонии их форм, в разрушительных порывах своего настроения призывая не бояться разрушения кремлей, дворцов, картин, книг…

Как прав Н. Бердяев, сказавший, что «в России культуру нужно было защищать: Россия жила вопросами нравственности прежде всего»! Что-то нездоровое, надрывное, мученическое стоит за всем этим…

Я решил, не откладывая, возвращаться в Харьков, где мне было бы радо руководство института и куда меня упорно звали друзья с планами совместного создания большой картины ко Всесоюзной выставке. В то время это было очень распространенной практикой, особенно для только что окончивших институт, так как давало большие надежды на быстрый успех, чем работа в одиночку. В случае удачи не только могла быть приобретена государством картина, но не исключалась возможность получения премии, дающей, помимо денег, имя. Найти помещение для выполнения работы, оплатить натурщиков, купить холст, подрамник, краски и быстро успеть скомпоновать и закончить картину одному молодому художнику было не под силу.

Однако, мои добрые родственники разрушили мои планы отъезда: «Не спеши, попробуй устроиться здесь, поживи, а там будет видно: все мечтают попасть в Ленинград, а ты уезжаешь! Поживи пока у нас!»

Что заставило меня согласиться на полную неопределенность будущей жизни, отказавшись от хорошего положения, которое я сразу же получил бы в Харькове, мне самому полностью неясно. Скорее всего, все решила моя влюбленность в сам город Петербург-Ленинград.

Я и сейчас, прожив в нем 47 лет, брожу по нему, как впервые, растворяясь в его красоте и стройности, по-прежнему восторгаясь, не зная чувства привыкания.

Мне удалось за очень короткий срок (2-3 недели) написать композиционный портрет лучшего сталевара Ленинграда Жёлтикова, который не только попал на Всесоюзную художественную выставку 1950 года в Москве, но оказался в ее основной «экспозиции» в Третьяковской галерее. Это был большой успех, так как участие на всесоюзной выставке давало безоговорочное право для поступления в Союз художников.

Так с января 1951 года я стал полноправным членом Ленинградского Союза художников, и вся моя дальнейшая творческая судьба оказалась нераздельно с ним связанной.

Отныне здесь был мой дом, а неудача с аспирантурой стала мелькнувшим эпизодом.

Спасибо Удаче, моей Судьбе, моей Звезде!

Впереди сияло солнце надежды!

С полным основанием я могу сказать, что первые годы пребывания в Ленинграде для меня оказались самыми безоблачными изо всех последующих. Конфликты и противоборства будут потом, а пока я улыбался сам, и другие улыбались мне. Неустроенность быта и недостаток денег меня не угнетали, так как я никогда не знал богатства и всегда испытывал большие симпатии к Диогену. «Истинно богат тот, кто может ограничить свои потребности», – повторял я себе старинную истину философов.

Я прожил некоторое время у родственников, но, поскольку ничто в мире не вечно, возник вопрос о поисках нового пристанища. Этот вопрос еще не раз будет возникать у меня в будущем. Я оказался «чужаком» среди художников Ленинграда, окончивших, как правило, институт им. Репина, знавших друг друга еще по совместной учебе в художественном училище, по существу, с детства. Многие и родились в Ленинграде, жили в семье с родителями, а потом в своей, не зная общежития. Я же вел образ жизни скитальца. Свою «особость» в разной степени я буду чувствовать и в дальнейшем.

Но пока счастье мне улыбалось.

Борис Харченко, мой земляк по Нальчику, предложил мне переехать к нему. В его семье я обрел такую дружбу, такое радушие, такую душевную близость, о которых я не мог не только мечтать, но само существование которых не мог представить.

Я не боюсь даже употребить слово «любовь» – обоюдную, открытую, взаимную. Рая Плетнева, его жена – обаятельная, умная, талантливая – разделяла наши чувства, и мы могли до трех часов ночи запоем говорить об искусстве, рассказывать друг другу забавные истории, слушать на проигрывателе симфоническую музыку. Однажды Борис купил в каком-то комиссионном магазине старую заигранную пластинку с Траурным маршем из «Гибели богов» Вагнера. Когда сквозь шипение и потрескивание из неведомой бездны зазвучала эта сверхчеловеческая, неземная, трагически-героическая музыка, возникла, нарастая, и, затихнув, вернулась в свою тайну, мы были так потрясены, что не находили слов для выражения своих чувств.

Наша взаимная любовь возникла, как мне кажется, непроизвольно, совершенно внезапно.

Мы оба с Северного Кавказа, из Нальчика, когда-то ходили в кружок «ИЗО» при Дворце пионеров, которым руководил замечательный энтузиаст, очень оригинальный художник Н. Н. Гусаченко. В то время мы были не более чем знакомы. Борис до войны поступил в Московское художественное училище, потом учился в Тбилисской академии художеств, откуда со своим близким другом Джоном Папикяном перевелся в Ленинградский институт им. Репина. Я же в войну окончил первый курс Северо-Кавказского горно-металлургического института во Владикавказе, и только после этого мне удалось поступить в Харьковский художественный институт. Встретились мы уже только в 1950 году на экзаменах в аспирантуру, куда из-за ограниченного количества мест были приняты все рекомендованные самим институтом, а также инвалид войны из Киева Иван Савенко (по личной просьбе А. Герасимова) и художник из Эстонии – прибалтам было выделено место практически вне конкурса.

Борис был очень талантлив, написал лучшую из своего выпуска дипломную работу (Б. Иогансон, его руководитель даже поцеловал Бориса на защите – только его!). Он и на экзаменах в аспирантуру написал лучшие работы. Если я в первые годы после окончания института находился в инкубационном состоянии без четких предпочтений в выборе той или иной художественной системы, как основы своего дальнейшего развития, то Борис вполне определился в своих пристрастиях: это были Константин Коровин и Эдуард Мане с их раскрепощенностью мазка и, в то же время, умением академически правильно вылепить лицо. Он шагнул вперед по сравнению со всеми остальным художниками своего выпуска (Ю. Тулиным, А. Королевым, Н. Медовиковым, А. Соколовым, А. Васильевым и другими). Его дарование наиболее ярко раскрывалось под впечатлением непосредственного общения с натурой (как это было и у его кумиров – Коровина и Мане). Именно такие работы приносили ему похвалы товарищей, и его считали одним из тех, кому предстоит яркое творческое будущее. О его дальнейшей судьбе я скажу позже, тем более что она во многом типична.

Бориса Харченко все любили за талант, общительный характер, обаятельную открытую улыбку и любовь к веселым товарищеским пирушкам. Интересно то, что в Харьковском институте (в период моего пребывания в нем) совсем не было такой традиции, тут же она была своего рода культом. Здесь можно было гордиться большим количеством выпитой водки и даже тем, что в войну продал хлебную карточку, чтобы купить «поллитру». Но мужские компании без этого не бывают, и своим приобщением к ним я был «обязан» уже обществу Бориса.

Конечно, наша близость не возникла бы без общности взглядов на искусство. Я не верю, что могут близко дружить художники-антогонисты. Мы оба очень любили великих старых мастеров: Рембрандта, Веласкеса, Эль Греко, Микеланджело, а из более поздних – импрессионистов (я к ним прибавлял Ван Гога и Гогена), из русских живописцев – В. Серова, К. Коровина, М. Врубеля (я в список включал А. Иванова и В. Сурикова). Очень важно, что любовь к поздним мастерам не уменьшала любви к ранним.

Эта наша взаимная любовь озаряла все первые годы моей жизни в Ленинграде.

Как ни хорошо мне было у Бориса Харченко, моего друга, но всему свое время и место. У него изменились домашние обстоятельства, и я перебрался на житье-бытье к Сергею Алексеевичу Толкачеву в его мастерскую, бывшую когда-то Куинджи, на углу 6 линии и Малого проспекта Васильевского острова.

Мастерская была при квартире, но он и сам часто ночевал в ней, и мы жили вполне дружно. Хотя Сергей Алексеевич был вдвое старше меня, мы (я и Борис Харченко, который частенько приходил к нам) не чувствовали разницы в возрасте, и звали его просто Сергеем, а Борис иногда любил этого веселого человека называть на французский манер Сержем. Когда Сергей смеялся (а это было часто), его малиновое худощавое лицо становилось еще малиновей, и смех нередко переходил в зычный хохот, сверкали свои и вставные зубы, а в глазах мелькал бешеный огонек.

Нельзя сказать, что наш новый товарищ был ярым противником употребления чарки водки. Совсем наоборот, что способствовало общему веселью. Как-то мы обедали в столовой на углу 8 линии и Среднего проспекта Васильевского острова, и Сергей поведал нам, как пастух в деревне (а Сергей был из Орловщины), получая осенью плату за свою работу, наливал большую миску водки, крошил в нее хлеб и таким образом отмечал этот день. Мы были изумлены, так как хуже такого блюда трудно представить, а Сергей предложил на спор вылить стакан водки в тарелку с горячими щами (которые нам только что принесли) и съесть. Каково же было наше потрясение, когда он выполнил обещанное и выиграл спор. Горячие щи в смеси с водкой!.. Конечно, выигранный приз был тут же совместно употреблен в дело – по неписаным законам товарищества.

В свободное от занятий живописью время мы нередко играли с ним в шахматы, которым я выучился у него. Со временем я стал частенько обыгрывать его (ибо Ботвинником он все же не был) и это вызывало у меня чувство гордости. Я никогда не расстраивался, когда противник меня переигрывал – проигрыш был в таком случае закономерным. Но какие молнии и бурные тирады, вылетающие из моей груди, потрясали воздух и стены мастерской, когда я, увлекшись обдумыванием хитроумных комбинаций в уже, по существу, выигранной партии, вдруг непостижимым образом просматривал элементарную «вилку», приводящую к гибели ферзя либо ладьи, а вслед обрекалась на полный разгром вся партия! Какие проклятия сыпал я на свою голову к великой радости победителя! Он хохотал, и глаза его сверкали… ну, конечно – знакомым бешеным огоньком.

Нужно сказать, что Серж и на шестом десятке лет не был равнодушен к нежным женским сердцам, и однажды прошел слух, что при его непосредственном и активном участии зачала потомство 20-летняя штукатурщица.

Эта тема была поводом для веселых шуточек, в ответ на которые он неопределенно-виновато хмыкал, поблескивая из-под нависшей седой брови маленьким светло-голубым глазом.

Я задаю себе вопрос о том, стоит ли мельчить значительную тему эволюции развития художественного творчества в Ленинградском Союзе художников такими сюжетами, уводить мысль от генеральной линии, основной идеи? Но разве подобные картины не обогащают анналы истории? Разве бывают только переходы Рубикона, битвы при Ватерлоо или под Сталинградом? Эти битвы выигрывают и проигрывают живые люди, а не статистические единицы, и разве не интересно немного узнать о них, а через них о Времени, живом времени, а не о стилизованных баснях о нем?

А чего стоит следующий далее эпизод реальной жизни?! В эти годы заказов государства на творческие картины практически не было, и небольшое их количество немедленно расхватывалось членами художественных советов и их друзьями. Остальные живописцы кормились выполнением портретов членов Политбюро ЦК КПСС, классиков марксизма-ленинизма, изготовлением панно и лозунгов, в основном к праздничному оформлению города. На небогатое

существование этого кое-как хватало и занимало не так уж много времени. Выполнял такие работы и я, так или иначе благополучно сдавая их после неизбежных поправок худсовета, горлита и реперткома.

И вот однажды я приношу на худсовет портрет Карла Маркса, а один из членов худсовета, Андрей Бантиков, вдруг обращается ко мне с вопросом: «Почему он похож у тебя на пирата? Не хватало, чтобы ты ему вставил серьгу в ухо!» Портрет я, конечно, поправил, но сколько было смеха! Я представил в своем воображении очень живо в виде пирата этого человека с дремучей бородой, самого мудрого из всех родившихся до этого людей, по сравнению с которым каких-то там Сократов, Платонов, Кантов и Гегелей можно только похлопывать по плечу, великодушно извиняя их исторически обусловленные заблуждения.

Великий классик Карл Маркс в виде Билли Бонса из «Острова сокровищ» – с косой грязной повязкой через один глаз, подпоясанный кушаком, из-за которого во все стороны торчат кремневые пистолеты, сидящий у бочки с ромом в кругу подобной ему изысканной компании – разве это не шедевр, достойный Анналов Истории? Не иначе как это была проделка дьявола, ибо параллель Маркса с пиратом не лишена, в самом деле, некоторого основания: призыв покончить навсегда с насилием методом истребления «до основания» насилия вполне подходит для хода мысли сидящего у бочки с ромом Билли Бонса. Разве эта картинка не подарок Судьбы, разве в ней не отражено живое Время? А ведь я во вступлении к этим «Запискам» как раз и обещал показать живой образ тех дней и живых людей – разных людей!

Мастерская Сергея имела достоинства, которые иногда превращались в недостатки. Заключались они в наличии щелей и дыр, в которые поступали струи свежего воздуха. Зимой вполне можно было бы обойтись и без такого сервиса. Хотя мы топили в морозы обе печи, ночью нередко температура падала ниже нуля, и, если сверху меня согревала моя бекеша на бараньем меху, покрывающая меня поверх одеяла, то снизу (а спал я на раскладушке) недостаток комфорта был более чем осязаем.

Однако, я был молод, а препятствия и трудности в жизни меня не покидали никогда. К этому я привык.

Еще в период учебы в горно-металлургическом институте во время войны (1943-1944) я ездил из Нальчика, где жили мои родители, во Владикавказ большей частью на крышах вагонов, на которых ночью грабили и даже сбрасывали на всём ходу поезда вниз. Запомнилось тревожное чувство, которое охватывало на перегоне Эльхотово-Даргкох, когда поезд на всех парах, извергая клубы черного дыма, мчался по узкому ущелью, гулко отстукивая колесами на стыках рельс, и, беспрерывно издавая пронзительные гудки, проезжал склоны гор, по которым спускались цепочки противотанковых ежей, опутанных колючей проволокой. «Трах-так, трах-так, трах-так» – резко стучали колеса… «Так-так, так-так, так-так» – вторило эхо…

Этот опыт продолжался и при поездках на каникулы домой уже из Харькова, когда ночью, зимой, нужно было сесть в проходящий поезд Москва-Тбилиси, в котором при прибытии на вокзал не открывалась дверь ни одного вагона, и пассажиры, которым посчастливилось, после дикой давки у кассы, достать билет, метались, увешанные чемоданами и узлами вдоль состава. Большой удачей было забраться хотя бы на сцепление вагонов, не говоря о тамбуре, из которого, со временем, иногда удавалось достичь предела мечты – попасть в вагон, весь заполненный до отказа, с лежащими в проходах людьми, и влезть на третью багажную продольную узкую полку, привязав себя ремнем к отопительной трубе, чтобы не упасть. Разве это не было величайшим счастьем?

В первый год занятий в Харьковском институте (после разгрома немцев под Харьковом) в учебном здании и общежитии не работало отопление, и студенты варили себе мороженую картошку на железной печурке, а перед началом трапезы весело, торжественно пели из «Евгения Онегина»:

Вы роза, вы роза
Вы роза, бель Татьяна

Разве это не было счастьем: попасть в художественный институт, учиться рисовать, заниматься искусством?

В холодном помещении общежития мы по очереди, в пальто, позировали для портрета, в то время как остальные, сидя на своих койках, рисовали.

Трудности только усиливают стремление к достижению цели, препятствия удваивают энергию, в то время как тепличные условия расслабляют, разрушают целеустремленность. К такому выводу я пришел, когда на 4-5 курсах возглавлял организацию вечернего рисунка уже в прекрасном здании института и, по договоренности с директором, за двойную-тройную плату приглашал позировать борцов – чемпионов Украины, красавцев с рельефной мускулатурой, когда уже позировала обнаженная женская модель… и только незначительная часть студентов ходила рисовать. Кого-то тянуло на танцы в соседние институты, кто-то ходил на свидание, кто-то никуда не ходил…

Рисовать ходили самые преданные искусству, но ведь в первый холодный год, когда вши выползали из-за воротника на лекциях (не раздевались ни днем ни ночью, а периодические санобработки не достигали полностью цели), позировали по очереди и рисовали все!

Произошло какое-то разжижение воли!

У Марка Твена есть очень хорошие слова о том, что каждый человек – это толпа людей, и выходит вперед и ведет за собой остальных то один, то другой из этой толпы. Так оно и будет всегда, и, если вперед вышел стяжатель или честолюбец, и художник отодвинут назад, то вдруг куда-то девается восхищавший всех талант, гаснет подающая надежды восходящая «звезда». Сколько бывает «гениев» на студенческой скамье, а остаются только единицы!

Это отклонение в прошлое от прямой темы художественной жизни в Ленинграде для меня не случайно. Оно помогает мне понять истоки той энергии (помимо генетической преемственности характера моего отца), наличие которой позволило мне в дальнейшем стать активным участником борьбы за свободу в творчестве.

Возвращаясь к периоду моей жизни в мастерской Толкачева, я хочу сказать несколько слов о нем, как о художнике. При его стихийной натуре, он не мог дисциплинированно работать над воплощением какой-то темы и упорно стремиться к достижению поставленной цели. Но он был одаренным живописцем, и в его пейзажах с натуры, точнее, этюдах, а иногда и в картинах, чувственная полнота окружающего мира находила свое выражение. Он в последнее время писал двухметровую картину к выставке, посвященную женщинам – дорожным строительницам (если можно так выразиться), с отбойными молотками в руках дробящими асфальт. Мы специально построили из горбылей сарай в соседнем дворе, чтобы можно было писать модель прямо в картину. Такой сомнительный метод в то время был очень распространен. Работницы были как в жизни – без слащавости и идеализации, грубоватые, в комбинезонах и грязных резиновых сапогах, в аккуратно кокетливо повязанных косынках, с налитыми телами. Из-за своей стихийности он не мог достичь совершенства в рисунке, но любовь к ним делала его картину лишенной фальши, которой было так много в умелых академически, конъюнктурных работах многочисленных «народных» и «заслуженных» художников. Недавно я увидел на одной из ретроспективных выставок из собрания Музея истории города (если не ошибаюсь) его картину 30-х годов (он мне о ней говорил) «Вручение акта на право владения землей колхозу». Трудно придумать более казенную, официальную, а то и лживую тему, зная историю коллективизации. Однако название и сюжет не всегда определяют суть картины. Художник любил простодушных сельских людей, и его любовь к ним и стала единственным содержанием этой картины, очень гармоничной по живописи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.